

Итак, вот в чем причина моей кражи: наш родитель, еще полный сил, не мог бы смириться со своим изодраным в клочья трудом, искалеченным, словно копыта испанских коней, которых перегнали через горы. Он будет вынужден заполнять пропуски, и если нам удастся заключить с ним мир, обещаю на все темные места дать примечания, хотя бы вы снова потребовали этой нелегкой работы по разъяснению исторических событий или имен. В нашем распоряжении имеются еще две книги «Французских эпиграмм»¹⁷ и две книги эпиграмм на латыни, которые мы вам сулили издать при первой возможности, к тому же еще имеются полемические статьи на нескольких языках, юношеские сочинения автора, несколько романов, пять эпистолярных тетрадей, из коих первая — дружеская переписка, где полно благопристойных шуток, во второй хитро-сплетения ученых теорий, которые распутывают друзья сочинителя, третья посвящена богословию, четвертая — военному искусству, пятая — государственным делам. Но все это может и полежать, пока мы не издадим «Всеобщую историю»¹⁸, где неистовый по своей натуре, пламенный разум без малейшей предвзятости покажет дивные дела, опишет все без восхвалений и порицаний не как судья, но как честный свидетель, который держит себя в узде, дабы не исказить фактов и не касаться законности.

Вольномыслие нашего автора позволило ему заявить своим врагам, что он больше касается правления аристократического, нежели монархического, ибо поэта осуждал еще Генрих Четвертый, будучи тогда королем Наварры. Сей государь, не раз прочитавший все «Трагические поэмы»¹⁹, желал их вновь перечитывать, дабы убедиться в правильности своих обвинений, однако ничего худого не обнаружил, только единомыслие, и тогда для пущей увереннос-